

Аттестат сквозь зарево войны

Был я солдатом в пехоте,
Тысячи верст прошагал.
Шел я с атакой на дзоты,
Жуков меня награждал...

Балдыков Виталий Васильевич, мой прадед

Декабрь 1942. Длинные ряды школьных парт. На коричневой школьной доске, в нижнем углу, кто-то неровным, но разборчивым подчерком вывел: «Мел не грызть!». Частица «не» была перечеркнута кривой линией.

Виталий взглянул на часы. Черные стрелки застыли на восьми. У 10-ого класса должен был бы начаться урок биологии. Виталий поднялся и вышел из-за парты. Подоконники были заставлены цветами. Их «поила» тетя Даша каждую неделю между вторым и третьим уроками.

Через покрытое морозным узором окно виднелись люди в гражданской и военной форме, с бумагами в руках и сумками, перекинутыми через плечо. Виталий заметил нырнувшую в толпу тетю Дашу, двоих одноклассников, через забор говоривших с незнакомыми Виталию женщинами, перекрикивая толпу.

— Всем добровольцам подойти!

Виталий спустился по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Дверь в спортивный зал была открыта. Посередине стояла парта, за которой сидела Ирина Петровна – учительница биологии, с которой Виталий готовился к поступлению в медицинский вуз. Глаза преподавательницы показались ему двумя черными омутами – в них не блестела жизнь, как тогда, на уроке. Ирина Петровна, зябко повела плечами и протянула ему оставшийся на парте листок. Деревянная калитка со школьного двора с грохотом захлопнулась.

Было еще темно, когда со стороны улицы послышался топот множества сапог и перекличка. Балдыков Виталий Васильевич — 18-летний помощник

командира взвода — резко сел на скамейке, стряхнув остатки сна. В помещении, где располагалось вверенное ему отделение, было тихо.

«Значит, уже на улице», - заключил он и вскочил с места.

Зимний воздух января 1944 года жег легкие, а снег призрачно светился в свете луны. Перед амбаром стояли два командира, о чем-то переговариваясь. На улицах села, где расположился отдельный лыжный батальон 133-ей стрелковой дивизии, уже начали строиться солдаты.

— Балдыков? — резко спросил один из командиров, повернувшись к Виталию.

— Так точно, — кивнул он.

— Собирай своих, — приказал мужчина. — Немцы прорвали фронт и заняли Житомир. Сопротивления не встретили и идут на Киев, скорее всего, зацепят нас...

— Занять оборону на окраине села! — прервал говорившего второй командир, сдвинув густые брови к переносице.

Рассредоточив бойцов по местам обороны, Виталий забрался на хату и с крыши стал просматривать прилегающее к селу поле. Сердце пропустило удар, когда сквозь занавес снега в 2-х километрах от села начали вырисовываться темные силуэты танков с десантом.

— Четыре... шесть... — вражеских машин оказалось не менее десяти.

В это время со стороны улицы села слышались крики и скрип снега под подошвами солдатских сапог.

— Танки! У них танки! — кричал кто-то внизу, петляя между товарищами.

— Прекратить панику! — рявкнул уже знакомый Виталию грузный командир с густыми бровями, с силой дернув солдата за рукав.

В батальоне не было никаких противотанковых средств, даже гранат. Оставалось бежать, чтобы избежать пленения.

Ноги тонули в снегу, как в трясине, а морозный воздух заставлял легкие гореть. Танки медленно, но грозно выползали из села, за ними мрачной стеной шагал десант.

— Если догонят, то раздавят в пух и прах. Или окружат «в котел», и все — капут, — невесело заметил старшина, потирая подвернутую ногу.

Виталий не ответил ему. Вокруг солдаты растянулись почти до горизонта. Найти командиров или хоть как-то организовать бойцов было невозможно.

Кто-то впереди крикнул:

— Смотрите!

Между спин других бойцов Виталий смог разглядеть цепь заградительного отряда. У них был порядок: бойцы в полушубках, с автоматами, из которых они начали поливать поле очередями. Виталий смог разглядеть приближающиеся к ним фигуры на конях.

— Офицеры! Подойти! — басом крикнул один из подъехавших.

До Виталия доносилась перепалка офицеров с генералом, который активно махал руками и дергал за повод лошадь. Спустя некоторое время он увидел подходящего к нему командира, брови которого были сведены в одну ломаную линию на переносице.

— Собирай подразделение, — сухо бросил он и направился дальше.

Оказалось, из взвода Виталия осталось 16 бойцов и командир, которые в числе других встали в цепь для наступления. С винтовками наперевес они двинулись на занятую немцами деревню.

Идущий впереди командир роты упал, за ним исчез и командир взвода, стали один за другим падать на землю бойцы. Тут под ногами Виталия земля резко ушла вниз, он оказался в яме из-под увезенных буряков. Встряхнув головой, он принялся осматриваться. Атака «захлебнулась», исчез куда-то и грозный заградительный отряд. К счастью, яма защищала его от осколков снарядов и пуль врага. Виталий снял с плеча винтовку, в оптический прицел отыскал цель и сделал три выстрела. Его заметили, и по земле ударило несколько пуль. Он притих. Начинало темнеть, снег был сплошь покрыт телами и черными ямами от снарядов. Огонь начал слабеть, стреляли вяло и редко. Тут Виталий заметил, что немцы смело вышли из деревни и пошли по полю, изредка стреляя.

«Добивают раненых», - мелькнула страшная мысль. Оставалось либо выбираться, либо быть убитым или попасть в плен. Собрав все силы, Виталий вскочил на ноги и на пределе своих возможностей побежал. Однако сильный удар, а затем резкая боль в левом бедре заставили его упасть на взрытую землю. Когда шок прошел, Виталий осмотрел ногу и заключил, что кость цела, а значит, можно продолжать движение.

Вокруг свистели разноцветные трассы пуль, ярко выделявшиеся во мраке ночи. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, когда последний выстрел повис в холодном воздухе.

«Молоденький какой...Живой!» — Виталий увидел улыбающиеся глаза сестрички.

Из 900 человек отдельного лыжного батальона в живых осталось 12. Взяв Житомир, немцы были остановлены под городом Белая Церковь и в Киев не попали — это был их последний реванш.

Шел июль 1944. Началась Львовско-Сандомирская операция, имеющая целью завершить освобождение Западной Украины и выйти на территорию Польши. Танково-десантный батальон 63-ей гвардейской Челябинской танковой бригады готовился к наступлению.

Кузнечики громко стрекотали в зарослях травы, солнце припекало с самого утра. Гвардии сержант Балдыков Виталий Васильевич стоял перед девятью солдатами, вытянувшимися в струнку.

— Как вам известно, рейд будет проходить в течение восьми-девяти суток на расстоянии 120-130 километров в тылу врага, — говорил он.

Один из бойцов, выбранных для задания, широко зевнул, тут же получив тычок в бок от соседа. Виталий подавил вздох. Со стороны палаток слышались чьи-то твердые шаги и тихое ворчание.

— Куда собрались с этими зелеными? — Иван Иванович — старшина лет пятидесяти — стоял рядом с Виталием, пытливо щуря глаз. — Разрешите

присоединиться, товарищ командир взвода, авось, еще один опытный человек в группе будет.

Виталий бросил быстрый взгляд на Бричкина, который с самого восхода солнца заметно нервничал, смоя папиросу за папиросой.

— Разрешаю, — и взглядом приказал Бричкину отойти. Молодой рядовой не сдержал облегченного вздоха.

Стоило Ивану Ивановичу присоединиться к отряду, напряжение, висевшее в воздухе все это время, как-то незаметно испарилось. Старшина шел впереди, иногда останавливаясь и оборачиваясь к бойцам. Сам Виталий шел за ним, позволяя старому разведчику вести группу за собой.

За первые четверо суток было уничтожено двенадцать линий связи и выведено из строя три зенитные батареи. Иван Иванович со знанием своего дела ловко петлял между деревьями, обходя топи и открытые места.

На пятый день среди бойцов вновь повисло тяжелое напряжение: неподалеку должен был находиться штаб врага.

В кронах деревьев пели птицы, в воздухе парил запах свежей травы, Виталию даже не верилось, что за ближайшим пригорком сидит вооруженный до зубов немец, готовый нарушить благодать летнего дня.

Старшина тщательно осматривался каждые пару метров.

Ближе к полудню роща начала редеть, и продвигаться стало еще сложнее. Внезапно Виталий почувствовал едкий табачный запах. Старшина жестом приказал отряду остановиться и сесть.

— Эх, хваленая немецкая дисциплина, — сплюнул он, чуть выглядывая из-за кустов терновника.

На небольшой полянке стоял немецкий офицер, с наслаждением курил трубку, дымя, как паровоз. В свободной руке у него был зажат кожаный черный портфель, сверкавший на солнце, как сундук с сокровищами. «И как тебя занесло сюда, да без охраны?» — изумился про себя Виталий, пока Иван Иванович медленно доставал из футляра нож и осторожно подползал к «языку».

Как оказалось, охрана была. Никто сразу даже не понял, что произошло. Гроыхнул выстрел, за ним еще один, старшина дернулся и замер. В его глазах застыло выражение глубокого изумления. Виталий опомнился первым и вместе с четырьмя бойцами сумел обезвредить охранника, который успел выстрелить еще несколько раз.

«Язык», заметив, как упал его товарищ, выронил трубку. Виталий подошёл к нему. Глаза-бусинки забегали от одного солдата к другому, и он на ломаном русском проговорил, выставив портфель вперед, как щит:

— Не убивайте.

«Убьешь тут тебя», — процедил Виталий и приказал солдатам связать «языка», а сам склонился к Ивану Ивановичу. Нужно было уходить и как можно скорее: очередь выстрелов, которую успел дать охранник немца, наверняка уже привлекла внимание остальных фашистов.

Назад разведчики шли в полной тишине. Виталий не чувствовал тяжести старшины, тело которого нес вместе с рядовым.

Позже за рейд всем вернувшимся были вручены ордена и медали. Балдыков Виталий Васильевич получил медаль «За отвагу».

Аттестат об окончании средней школы с отличием и правом поступления в высшие учебные заведения страны без вступительных экзаменов был вручен Виталию Балдыкову в 1945 году. «Так закончилась моя учеба по получению среднего образования», - напишет он позже в своей автобиографии.